

EDN: <https://elibrary/INXDKC>

О.И. Северская ✉

✉ oseverskaya@yandex.ru

Для цитирования: Северская О.И. Прагматические переменные поэтического текста: индекс референции метареальности // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 116–127. DOI: 10.18721/JHSS.16308

PRAGMATIC VARIABLES OF POETIC TEXT: METAREALITY REFERENCE INDEX

O.I. Severskaya ✉

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ oseverskaya@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the problems of poetic pragmasemantics, namely, the analysis of pragmatic variables actualized in the context of referential meanings that form the index of reference of the possible world of a poetic text. Having set the goal of presenting the variables *I*, *YOU*, *HERE*, *NOW*, *THERE*, *THEN*, *WORLD* as an integral pragmasystem characteristic of a certain poetic sociolect, the author defines the “index of reference of metareality” based on the poetry of A. Eremenko, I. Zhdanov and A. Parshchikov as the most prominent representatives of the metarealism school. The study presented in the article was carried out on the basis of the National Corpus of the Russian Language by the corpus content method, using quantitative and qualitative, linguopragmatic and linguopoetic analysis. Based on existing studies of the referentiality of poetic text and its pragmasemantics, the author defines pragmatic variables as a system of operators that correlate the semantics of deictic signs with a multitude of textual worlds-contexts. Based on the analysis of microcontexts that actualize pragmatic variables, the participation of variables in the formation of the focus of empathy and the “common field of vision” of the addresser and addressee as a starting point for interpreting the text was established, the main meanings of variables and their deictic projections were identified, and the principles of “packaging” pragmatic information about the world of the text that are common to metarealists were defined. The author comes to the conclusion that metarealism is characterized by transparency and permeability of the subject positions of both the addresser and the addressee, the interdependence of reference indices, deictic shifts in the *I*- and *YOU*-contexts, the predominance of variables with spatial meaning, used to designate time, the duality of reference of all variables, reflecting the complexity and multidimensionality of metareality as a system of “possible worlds”.

Keywords: pragmatic variables, index of reference, pragmasemantics, focus of empathy, referential ambiguity, contextualization, metarealism.

Citation: Severskaya O.I., Pragmatic variables of poetic text: metareality reference index, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 116–127. DOI: 10.18721/JHSS.16308

Введение

Постановка проблемы. Прагматика поэтического текста — одна из активно разрабатываемых, но все еще недостаточно изученных областей. Изменение формы, инструментов и содержания коммуникации требует пересмотра и уточнения некоторых устоявшихся представлений. Особое внимание уделяется поэтическому дейксису, в частности прагматическим переменным — одному из важнейших компонентов конституирования и интерпретации речевого акта в поэзии. Формируя вместе с приданными им значениями — в терминах Е.В. Падучевой [1, с. 40] — индекс референции, они играют особую роль в интерпретации сообщения говорящего, так как указывают на его присутствие и точку зрения. В поэтическом дискурсе, где, в отличие от обыденного, адресант и адресат не имеют общего настоящего момента и общего поля зрения [2, с. 201], а референция осуществляется к возможным мирам, в референциальный индекс включаются не только традиционно выделяемые переменные — *Я*, *СЕЙЧАС*, *ЗДЕСЬ*, *ТЫ* [1, с. 39–40], но и принятая в модальной логике «возможных миров» переменная *МИР* [1, с. 40]. И исследование этого комплекса переменных в полном объеме по-прежнему актуально.

История вопроса и цель исследования. Прагматические особенности поэтического дискурса рассматривались, во-первых, в исследованиях, совмещающих поэтику и прагматику [3, 4] и определяющих поэтичность как когнитивный и коммуникативный опыт [5, 6], во-вторых, в работах по прагмасемантике — с акцентом на субъективность, индексальность и метапрагматику [7], на выявление дейктических сдвигов поэтической коммуникации в сравнении с обыденной [8–10], а также касающихся референциально-прагматических особенностей поэтического текста [11, 12] и пресуппозиций автора и читателя¹ [13].

Субъекту, субъективации и субъектному дейксису в новейшей русской поэзии уделялось особое внимание в рамках проекта Трирского университета «Русская поэзия в транзите», в котором приняли участие ученые 32 стран, включая Россию, ФРГ, США, Японию и др., завершившегося публикацией серии монографий «Neure Lyrik». Рассматривались деперсонализация субъекта, транс-, мета- и сверхсубъектность как формы динамического становления субъекта в новом понимании, текстовые соотношения автора, говорящего, лирического «я» и лирического героя, субъект как композиционная категория, нарратологические модели и дейксис, конвергенция поэтических и обыденных субъективирующих речевых практик [14]. Отметим также статьи В.В. Фещенко о специфике субъективирующих дейктических слов и конструкций в экспериментальном поэтическом дискурсе, где «особенно активным указательным полем является пространственность, протяженность и длительность высказывания (сообщения) как такового» [15]; О.В. Соколовой, рассматривающей новые стратегии субъективации и адресации в поэзии и утверждающей, что в современной поэзии формально сохраняются дейктические маркеры первого лица и ситуации «здесь-и-сейчас», как в диалоговом, а не нарративном режиме [16]; Е.В. Захаркив, анализирующей трансформации прагматических маркеров субъекта и адресата в условиях интернет-пространства, которые перестают быть просто языковыми средствами, становясь инструментами навигации, взаимодействия и самопрезентации в цифровой среде [17], а также Т.В. Цвигун и А.Н. Чернякова, отмечающих «субъектную неопределенность» современных поэтических текстов, в которых конкурируют «я», «ты» и «любой» [18]. Особая роль в исследованиях такого рода отводится корпусной прагматике, достоверно отражающей факты и направления прагматических экспериментов поэтов на грани нормы и аномалии [19]. Эти публикации содержат наблюдения, которые формируют презумпцию проведенного исследования.

Заметим, что, несмотря на детальное исследование субъективной сферы новейшей поэзии и внимание, которое уделяется разного рода дейктическим единицам, имеющим субъектное, темпоральное и локальное значение, индекс референции в комплексе никем до сих пор не рассматривался. Опираясь на полученные ранее (на материале русской поэзии начала XX в.) собственные результаты исследования переменных *Я*, *ТЫ* [20], *ЗДЕСЬ*, *СЕЙЧАС* [21] и *МИР* [22], попробуем шагнуть дальше и представить прагматические переменные как единую систему, фокусирующую внимание на картине мира, характерной для определенного поэтического социолекта, конкретно — социолекта поэтической школы метареализма. Несмотря на то, что отдельные случаи использования дейктических маркеров ее представителями анализировались отечественными специалистами в контексте современной поэзии как таковой [10, 15], роль комплекса прагматических переменных в поэтике метареализма не рассматривалась. Цель статьи — определить индекс референции так называемой метареальности (в лингвопоэтическом понимании — это «реальность многих реальностей» в их взаимопричастности и взаимовыводимости²), представленной текстами «классиков» метареализма А. Парщикова, И. Жданова и А. Еременко.

¹ Ильинская Е.С. Семантические и синтаксические особенности поэтического текста как основа его интерпретации (на материале произведений немецкоязычных поэтов XX века): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2006. 248 с.

² Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 494 с.

Теоретические основы, методология и методика исследования. Как и прагмасемантика в целом [7, с. 16], прагматические переменные могут быть определены как система взаимосвязанных операторов, соотносящих семантическую систему языка с множеством миров-контекстов. Отождествляя говорящего и слушающего, а также пространственно-временные отрезки событий (хронотоп), они создают «общее поле зрения», то, или, по У. Чейфу [23], фокус эмпатии с прагмо-дейктической «упаковкой» информации, существенной для установления референции: «Содержательная основа этого статуса состоит, по-видимому, в том, что человек обладает способностью представить себя смотрящим на мир глазами другого человека или с его точки зрения, и в том, что эта способность влияет на использование языка» [23, с. 312; ср. 11, с. 224–230]. Таким образом, рассматриваемые переменные создают прагматическую пресуппозицию интерпретации — по Т.Б. Радбилю, «компонент смысла, который говорящий считает общеизвестным, логически приемлемым, само собой разумеющимся» [13, с. 6]. Что касается их референциальной семантики, то, как справедливо замечает О.Г. Ревзина [12, с. 420–421], законы референции к вымышленному и действительному мирам не отличаются, однако событие, отраженное в поэтическом тексте, теряет первичную референциальную соотнесенность, но приобретает способность к множественным внеязыковым связям. Компоненты текста, актуализирующие переменные и придающие им в каждом конкретном случае значения, которые превращают пропозициональную форму в замкнутую пропозицию [1, с. 40], принято называть «дейктическими маркерами», «дейктическими единицами» или «дейктиками» [8, 10 и др.]. Термины употребляются синонимично и обозначают лексические единицы со значением указания на участников, время и место коммуникации или на речевой «жест» говорящего в отношении какого-либо объекта мира текста.

Содержание исследования составил анализ микроконтекстов, в которых присутствуют соответствующие прагматическим переменным *Я*, *ТЫ*, *ЗДЕСЬ*, *СЕЙЧАС*, *МИР* одноименные лексемы-указатели. Они были выделены на основе заданного подкорпуса Национального корпуса русского языка, в который вошли 324 текста Александра Еременко, Ивана Жданова и Алексея Парщикова (общий объем — 52700 слов). Это позволило получить статистически значимые данные и использовать максимум корпусных исследовательских инструментов.

Кроме корпусного контент-метода, предполагающего количественный и качественный анализ, использовались лингвопрагматический и лингвопоэтический методы интерпретации. С их помощью исследовались реализация и трансформация лексической языковой семантики дейктических единиц, соответствующих той или иной переменной, значения их конкретных употреблений в контексте и их референциальная семантика относительно возможного мира текста.

Результаты исследования

Проведенный количественный анализ микроконтекстов дал следующую статистику употребления дейктиков, определяющих положения дел в метареальности (табл. 1).

Как можно заметить, подавляющее преимущество имеют переменные *Я* и *ТЫ*, индексы адресанта (автора) и адресата (читателя). Удивительным может показаться то, что темпоральные индексы на порядок уступают в частоте локальным. Однако это типично для поэзии: в отличие от обывденного языка, *СЕЙЧАС* (традиционно считающаяся независимой переменной [1, с. 39]) зависит от *ЗДЕСЬ* — переменной, представленной местоименным наречием, семантически способным обозначать как место, так и время и обстоятельства события [21, с. 187–188]. Это согласуется и с наблюдениями В.В. Фещенко об особой роли в поэзии пространственных дейктических маркеров [15, с. 49].

Прагматическую пресуппозицию интерпретации конкретных словоупотреблений составили выделенные Е.В. Падучевой значения прагматических переменных: *Я* (говорящий) ‘тот, кто делает данное высказывание’, *ТЫ* (слушающий) ‘тот, к кому говорящий *Я* обращает свое

высказывание *U* в момент *T*, *СЕЙЧАС* (*T*) ‘тот момент, когда *Я* делает высказывание *U*’, *ЗДЕСЬ* (*L*) ‘то место, где говорящий *Я* делает свое высказывание *U* в момент *T*’, *МИР* ‘мир, который говорящий *Я* принимает за действительный или постулирует в качестве возможного’ [1, с. 39–40]. Референциальные значения при контекстуализации отличаются от прагматических, что и будет показано дальше.

Таблица 1. Частота актуализации прагматических переменных
Table 1. Frequency of actualization of pragmatic variables

Количественные показатели	Дейктики, актуализирующие прагматические переменные						
	<i>Я</i>	<i>ТЫ</i>	<i>ЗДЕСЬ</i>	<i>СЕЙЧАС</i>	<i>ТАМ</i>	<i>ТОГДА</i>	<i>МИР</i>
Количество текстов	174	139	56	10	78	20	46
Число употреблений	711	544	79	12	113	21	60
Относительная частота (ipm)	13494,28	10324,74	1499,36	227,75	2144,66	398,57	1138

Я и ТЫ. В поэзии как таковой, по точному замечанию С.Т. Золяна, «„Я“ является не только указанием на говорящего, но и ключевым механизмом само-, мета- и иноописания и соотношения высказывания с его актуальным и потенциальным контекстами» [7, с. 147], а следовательно, что подтверждает и В.З. Демьянков [24], априори имеет расщепленную референцию. При этом *Я* принципиально диалогично, ориентировано на *ТЫ* как на «эхо» говорящего, о чем, развивая мысль Э. Бенвениста, пишет Ю.С. Степанов: «Что касается „я“ в противопоставлении „ты“, то... оно означает переменный ориентир речи... „ты“ — это „тот, кто сейчас, вслед за окончанием моего акта речи, получит право в свою очередь называться „я“, не получив моей субстанции“» [11, с. 228].

Метареалисты осознают множественность возможных для *Я*-референций, что выражается эксплицитно: *я раздвоюсь* (А. Еременко, «Вдоль коридора зажигая свет...»); *я фантом и чья-то часть* болящая при том (И. Жданов, «Попробуй мне сказать, что я фантом...»); *разделенный на сто половинок, я двигаюсь роем...* (А. Паршиков, «Перенос»). Проективность референции обуславливается сменой точки зрения, при этом вектор проекции может как объективировать названный соответствующим местоимением субъект: *ты, малыш, выздоровеешь меня* (А. Паршиков, «Матвею»), так и наделять субъективностью объект восприятия: *я — всего лишь проблеск глазного дня* (И. Жданов, «На новый год»). В первом случае мы имеем, в терминах С.Т. Золяна [7, с. 128–129], *Я*-метонимию, во втором — *Я*-метафору.

Находит свое отражение в их текстах и настроенность на диалог, в котором *Я* и *ТЫ* могут иметь как конкретно-референтное значение: *Привет тебе, блистательный Козлов!* (А. Еременко, «Дружеское послание Андрею Козлову»), так и значения ‘я как говорящий субъект’, ‘я как личность’ и ‘я — говорящий (автор) в актуальном мире, описывающий говорящего субъекта / наблюдателя в мире текста’ [7, с. 145], актуализируемые одновременно: *Как частица твоя, я ревную тебя и ищу / воскресенья в тебе и боюсь — не сносить головы* (И. Жданов, «Расстояние между тобой и мной — это и есть ты...»); *Я же писал тебе: «Есть неорганика в нас...»* (А. Паршиков, «Медный купорос»).

Контексты, в которых *ТЫ* употребляется в определенно-личном значении, достаточно редки — как правило, это либо воображаемые диалоги с подругой: *Ты бесишься, как маленькая лошадь, / а я стою в траве перед веревкой / и не могу развесить мой сонет* (А. Еременко, «Сонет без рифм»); *Ты можешь быть русской и вечной, / когда перед зеркалом вдруг / ты вскрикнешь от боли сердечной / и выронишь гребень из рук* (И. Жданов, «Портрет»); *Ты стоишь на одной ноге, застегивая босоножку* (А. Паршиков, «Крым»), либо реконструкции речевых актов лирических субъектов: *Говори, что ты видишь. — Я вижу ковыль и туман* (А. Паршиков, «Другой»); либо молитвенные обращения: *Я отрекаюсь от обезьяны и присягаю Тебе* (А. Паршиков, «Я

отрекаюсь от обезьяны...»); *За звуковым барьером изгиб возвращенной стаи / очертит твое лицо колодцами лунных статуй, / тыходишь в каждый из них смертью моей и всех* (И. Жданов, «Оранта»). Превалирует *ТЫ* обобщенно-личное: *И тебе не спится в астральных твоих сферах, / потому что совесть — это не вектор, а перпендикуляр, / восстановленный к вектору* (А. Еременко, «Зачем ты рискуешь...»); *Если ты носишь начало времен в ушах, / помнишь приручение зверей, / как вошли они в воды потопа...* (А. Парщиков), в особенности в текстах И. Жданова: *рождается впотмах само собою слово / и тянется к тебе, и ты идешь к нему* («До слова»); *Ты стоишь на столбе, но не столпник, горящий в объеме, / ты открыт, но не виден, как будто тебя ослепило* («Ниша и столп»); *ты выходишь на сушу вдвоем / с сокровенной любовью...* («Жалоба игры») и др. В последних случаях *Я* в проекции на *ТЫ* может иметь выделяемое С.Т. Золяном [7, с. 141–144] значение ‘будь я тобою’.

У. Чейф связывает фокус эмпатии со статусом подлежащего [23, с. 312], поэтому интересно было проанализировать сочетаемость *Я* и *ТЫ* в функции подлежащего с глаголами первого лица настоящего времени, лексическое значение которых важно для «портрета» *Я*- и *ТЫ*-субъектов. Выбор характеризующих их глагольных сказуемых, как показал анализ, отражает особенности поэтики каждого из метареалистов.

У А. Еременко *Я* ‘говорящий субъект’ и ‘личность’ совершает следующие речевые действия, подчеркивающие ироничность манеры автора: *я собираю речь свою по капле / и повторяю, словно провода; я читаю с эстрады / свои репортажи с войны; я скалю зубы и дрожу от злости* (ср.: скалить зубы ‘смеяться’); *я не творю, но я играю в кости* (ср.: играть ‘развлекаться / говорить намеками’); обыгрывается и устойчивое выражение «деревянный язык»: *Но с каждым ударом меня сносит влево, / и я становлюсь все дровее, дровее*. Используются и глаголы мысли, характеризующие творческую личность говорящего: *я думаю, что вы меня поймете; я знаю лучше всех про все на свете; я забываю, что я гениален*; при *Я* ‘поэт’ сказуемым оказывается оборот с модальным глаголом желания: *я хочу работы настоящей*. Ёрничество *Я* ‘говорящего’ и ‘поэта’ проявляется и в парадоксальном сочетании «высокого» глагола эмоционального отношения с «низким» объектом-дополнением: *О, как я люблю этот гипсовый шок / и запрограммированное уродство...* В роли сказуемого к подлежащему *Я* выступают глаголы положения в пространстве: *я стою*, и движения: *я захожу*, в фокусе эмпатии оказывается начало пути после застоя.

В текстах И. Жданова сказуемые, характеризующие *Я*-субъект, разнообразны, но в целом создают образ человека, который находится в состоянии внутреннего смятения и пытается разобраться в себе и своих чувствах: *я задыхаюсь; теряюсь в толпе; я натываюсь на себя и там, где не был даже; то, чем был я когда-то, / все, присущее мне, / что тебя не коснулось, / я хочу уничтожить, забыть...; я ревную тебя и ищу / воскресенья в тебе...* Его *Я* ‘говорящий субъект’ и *видит*, и *кажется* (‘имеет какой-либо вид / производит какое-либо впечатление’ и ‘является воображаемой сущностью’).

А. Парщиков использует в функции сказуемого при местоимении *Я* множество глаголов движения: *я покидаю дом свой... и медленно шагаю по дороге; я уезжаю, я в вокзал вошел; я сбегаю с порога сознания; я бегу по песку... а поутру я брожу; я двигаюсь; я выражаю; я спускаюсь все глубже*; глаголы положения в пространстве: *я висну над явью нейтральной, смущая углы планет; я запираюсь на ключ в облаке напряженной свободы*. Популярны в его поэтике глаголы усиления: *я напрягаю всю свою незаметность будущего охотника*, и ослабления: *я отдыхаю после похода завоевательного*; а также парные глаголы *искать* и *находить*. Чаще всего сказуемым при *Я*-подлежащем становится многозначный глагол *видеть* ‘воспринимать зрением / воображать / получать представление’ и соотносимые с ним по смыслу контекстуальные синонимы, глаголы знания *замечать* и *понимать*; на втором месте по частоте другой глагол восприятия — *слышать* ‘воспринимать слухом / регистрировать сознанием, понимать’. И это соответствует визуальности паршиковской поэтики.

Что касается сказуемых при подлежащем *ТЫ*, то они, можно сказать, «отзеркаливают» состояния и действия *Я*-субъектов. А. Еременко так описывает воображаемого адресата: *ты остришь; ты рискуешь... / искришь на солнце, / остришь, как на точильном круге стальная полоска, / ты заигрываешь с большевиками; ты бесишься...* И. Жданов, проецируя действия *ТЫ* на *Я*-субъект, использует глагол положения: *ты стоишь предо мной, рассуждая о том и о сем*; и разнообразные глаголы движения: *ты уходишь отсюда; ты идешь; ты падаешь; ты входишь; ты выходишь...* При этом «зеркальность» эксплицируется: *Ты входишь в куб, зеркальный изнутри; Ты падаешь в зеркало, в чистый, / в его неразгаданный лоск*. Взаимообратимы в его поэтике и объекты при глаголах восприятия: *ты глядишь на меня; и ты видишь в себе*. *ТЫ*-субъект А. Парщикова не менее подвижен, чем *Я*: *ты стоишь на одной ноге; ты качаешься — ближе и дальше; ты идешь по бассейну с пираньями; ты бежишь по веранде витой; ты можешь дуть в любую сторону — и в обе* (здесь: дуть ‘бежать’); *ты бредешь; ты переставляешь ноги; ты летишь...* В функции сказуемых при *ТЫ*-подлежащем поэт употребляет те же глаголы восприятия: *ты взираешь; ты глядишь; ты видишь; ты слышишь*, и их контекстуальные синонимы — глаголы мысли и знания: *ты думаешь, понимаешь, знаешь*.

Таким образом, и лексическая семантика сказуемых придает *ТЫ*-подлежащему референциальную многозначность: это и *ТЫ* ‘адресат сообщения’ / ‘человек, близкий к говорящему’, и *Я* ‘будь я тобой’.

ЗДЕСЬ и ТАМ. Отметим, что в норме в поэтическом языке эти переменные указывают, соответственно, на «мир сей» (внешний/низменный) и на «мир тот» (внутренний/высокий) [21], образуя значимую оппозицию. В поэтике метареализма эта оппозиция вербализуется в дизъюнкции: *Мы еще здесь или там, в стороне, / там, позади, на своей остановке?* (И. Жданов, «Это всего лишь шепот пустоты...»), или в конъюнкции: *Сейчас меня, наверное, похвалят, / чтоб напечатать здесь и там* (А. Еременко, «Девятый год войны в Афганистане...»), ср. о девочке «не от мира сего»: *Ее мы видим здесь и там* (А. Еременко, «Туда, где роща корабельная»); *Здесь и там ты расставлена вышками по холмам...* (А. Парщиков, «Я жил на поле Полтавской битвы», 12).

Для метареализма характерна и неопределенность локуса, на которую указывают наречия *где-то, где-нибудь* (20 употреблений, ipm 360), предлог *между* (60, ipm 1139), существительные *зазор* (5, ipm 95), *промежуток* (3, ipm 57). Контекстов конкретно-референтного употребления переменной *ЗДЕСЬ* в выделенном подкорпусе не обнаружено.

Четкое же противопоставление *ЗДЕСЬ* vs. *ТАМ* налицо, хотя одна из переменных может подразумеваться, будучи выражена не местоименным наречием, а полнозначной лексемой в дейктической функции, указывающей на «мир тот»: *Двигается вместе с Землей корабль над облаками, не сходя с места. / А здесь у меня — дача с башней, шпионы и гжель* (А. Парщиков, «Расписание»). При эксплицитном противопоставлении может акцентироваться оппозиция «небесного» и «земного», как в следующем примере, где в одном локусе — Гефсиманском саду — пересекаются два возможных мира: *Там тишина нашла уединенье, / а здесь играет в прятки сам с собою / тот, кто вернуть свой взгляд уже не в силах, / кто дереву не дал остаться прахом, / Иуды кровь почувствовав в столе* (И. Жданов, «Взгляд»). В этом случае имеет место пространственно-временное расщепление референции — совмещение ближней и дальней перспектив, настоящего и будущего.

Часто можно наблюдать дейктическую проекцию. Сравнивая поэтическую коммуникативную ситуацию с «нормальной», Е.В. Падучева замечает, что в поэзии «дейктический элемент, который нормально ориентируется на говорящего как на точку отсчета, оказывается ориентирован на слушающего» [2, с. 260–261]. Так, в «Сомнамбуле» А. Парщикова *ЗДЕСЬ* указывает на «мир других», тогда как *Я*-говорящий, Провидица, находится в «растяжке сознания», где «каждый участок... пуст был, но и сверх того, на чудесный порядок пустей», т.е. *ТАМ*. Пространства, соответствующие переменным *ЗДЕСЬ* и *ТАМ*, не только обратимы, но и взаимопроницаемы. Наряду с однозначной референцией к «дольнему миру», с которым, принимая его за

войны **миров** круче берет полынь (А. Парщиков, «Бегство-2»); Система всех миров похожа на наган... и каждый из **миров**, как выстрел, моментален (А. Еременко, «Бессонница. Гомер ушел на задний план...»); Пусть светятся **миры** и времена (И. Жданов, «Любовь, как мышь летучая, скользит...»). Переменная **МИР** принимает в проанализированных контекстах конкретные, выраженные лексически значения: **МИР** 'Вселенная, мироздание': **миру** начала / нет во времени (И. Жданов, «В пустоту наугад...»); **МИР** 'Земля, миропорядок': **Миру** простится гнет. Небу простится высь (И. Жданов, «Оранта»), ср. в этом **мире** косом... (А. Еременко, «Я сидел на горе...»); **МИР** 'сфера, круг явлений': **мир** теней, **мир** информации, **мир** наскальных человечков; однолюбый **мир**, **мир** двоичный и др. Особо следует отметить такие значения, как **МИР** 'язык/текст' (при аналогичных значениях я и ты): Я — Запятая Ты — двоеточие... и нас грамматиков мира вычеркивал страх (А. Парщиков, «Заочность»); **МИР** 'собеседник' (мир как ты): не тех от мира ждем вестей (И. Жданов, «Такую ночь не выбирают...»); воспрянул человечье / оспаривая мир (А. Парщиков, «Термен»). Меняют значение в контексте, варьируясь, буквализируясь и переосмысливаясь, устойчивые выражения — не от мира сего: Актеры движутся дальше, будто твоя причуда / не от мира сего — так и должно быть в пьесе (А. Парщиков, «Сцена из спектакля»); идти по миру: Этой маской безмолвия ты облечен, / вовлечен в хоровод, обречен / на кружение по миру, избравшему сон / как возможность свою и закон (И. Жданов, «Жалоба игры») и т.п. Противопоставляются мир и антимир, мир и его чужелюдный двойник, этот мир и иной мир, при этом внешний мир может входить во внутренний: Останься, мир, снаружи, / стань лучше или хуже, / но не входи в меня!.. свет заново прольется, / и мир во мне очнется (И. Жданов, «Контрапункт»); мир шел через тебя (А. Парщиков, «Мемуарный реквием»).

Заметим, что переменная **МИР** может иметь в контексте и темпоральное значение, указывая на некий момент времени: выросшая как попало / до сотворения мира, не дрогнув, трава стоит (И. Жданов, «Гора»), как и переменная **ЗДЕСЬ**: История желает здесь пробела (А. Еременко, «Репортаж из Гуниба»).

СЕЙЧАС и ТОГДА. Несмотря на то, что темпоральным сущностям поэты-метареалисты уделяют достаточно много внимания (*время* упоминается 86 раз, *ipm* 1632,22; *час* — 43 раза, *ipm* 816,11; *минута* — 10 раз, *ipm* 89,9; *секунда* — 2 раза, *ipm* 38; *вечность* — 12 раз, *ipm* 227,75), переменные **СЕЙЧАС** и **ТОГДА**, представленные в контекстах омонимичными наречиями, встречаются чрезвычайно редко и употребляются в обыденных прагматических значениях, фиксируя предшествующий, настоящий и будущий моменты, соотносимые с речью говорящего. Отметим лишь дейктическую проекцию **СЕЙЧАС** и **ТОГДА** в случае совмещения точек референции высказывания говорящего/автора и его интерпретации слушающим/читателем: Притормозись. Остановись. Поймай центр. Зафиксируй его, и тогда сдвинешься с места (А. Парщиков, «Дачная элегия»), совмещение точек зрения говорящего (*здесь* и *сейчас*) и интерпретатора (*тогда* и **там*) меняет и значение **ТЫ** на 'ты-адресат/я-адресант-будь-я-тобой'.

Заключение

Проведенный анализ системы прагматических переменных в контексте поэзии метареализма показал, что поэты школы действительно придерживаются единых принципов «упаковки» прагматической информации о транслируемом читателю знании о мире и о возможных мирах текстов, используя индекс референции как «подсказку» своему адресату. Вместе с тем обнаруживаются и индивидуальные предпочтения, которые маркируются предикатами — актантами переменных **Я** и **ТЫ**: у А. Еременко преобладают речемыслительные глаголы иронического модуса, И. Жданов использует в роли предикатов при **Я**- и **ТЫ**-субъектах глаголы, создающие образ смятения и неопределенности, непрявленности, А. Парщиков отдает предпочтение глаголам положения и восприятия.

Можно констатировать присущую метареализму прозрачность и проницаемость субъектной позиции адресата и адресанта, а также многозначность и взаимозависимость используемых прагматических переменных. *Я* говорит *ЗДЕСЬ* и *СЕЙЧАС*, но фокус эмпатии двунаправлен: к *ТАМ* и *ТОГДА* в прошлом и будущем. Имеет место и смещение дейктических координат, например, актуализация *Я* в областях возможного мира с координатами *ТАМ* и *ТОГДА*, в норме соотносимыми с *ТЫ*, и наоборот. Дейктической проекции подвергается и *ТЫ*, которое совмещает значение 'адресат сообщения' со значением переменной *Я* 'будь я тобой'. Переменные с пространственным значением доминируют над темпоральными, принимая в случае необходимости функцию обозначения моментов времени. Это соответствует пониманию метареальности как пространственно-временного континуума, способного к саморазвитию, деконструкции и реконструкции входящих в него объектов. *Я* *двоит*, *МИР раздваивается*, и эти *двойственность* и *двойничество* прослеживаются во всех референциальных значениях прагматических переменных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 293 с.
2. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: URSS, 1996. 464 с.
3. Jefferson G. On the Poetics of Ordinary Talk // Text and Performance Quarterly. 1996. Vol. 16, No. 1. P. 1–61.
4. Вахрамеева Е., Швец А. Прагматика и поэтика: к новейшим определениям «поэтического» // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 427–431.
5. Болотнова Н.С. Тенденции и основные этапы развития коммуникативной стилистики текста (к 25-летию научного направления) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (193). С. 32–40. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-32-40
6. Трофимова Ю.М. Прагматика коммуникативного фактора в поэтическом тексте // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (100). С. 198–205.
7. Золян С.Т., Тульчинский Г.Л., Чернявская В.Е. Прагмасемантика и философия языка / под ред. С.Т. Золяна. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. 328 с.
8. Bridging the Gap Between Conversation Analysis and Poetics: Studies in Talk-In-Interaction and Literature Twenty-Five Years after Jefferson / ed. by R.F. Person Jr., R. Wooffitt, J.P. Rae. New York; London: Routledge, 2022. 262 p.
9. Фещенко В.В. Язык в языке: Художественный дискурс и основания лингвоэстетики. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 368 с.
10. Соколова О.В., Захаркив Е.В. Прагматика и поэтика. Поэтический дискурс в новых медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 187 с.
11. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985.
12. Ревзина О.Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященный юбилею Г.А. Золотовой. М.: URSS, 2002. С. 418–433.
13. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 593 с.
14. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика / под ред. Х. Шталя, Е. Евграшкиной. Berlin: Peter Lang, 2018. 448 S. DOI: 10.3726/b14778
15. Фещенко В.В. Экспериментальный дейксис в пространстве поэтического текста // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. № 2. С. 49–66. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-2-3
16. Соколова О.В. Новые технологии и прагматические техники в современной поэзии // Слово.ру. Балтийский акцент. 2024. Т. 15, № 2. С. 81–97. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-2-5
17. Захаркив Е.В. Интерфейсы новейшей поэзии: смена коммуникативного хода и множественная адресация // Слово.ру. Балтийский акцент. 2024. Т. 15, № 2. С. 98–111. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-2-6

18. Цвигун Т.В., Черняков А.Н. «Мерцающий» субъект в поэтическом тексте: к проблеме читательской рецепции // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 42–54. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-42
19. Соколова О.В., Фещенко В.В. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 3. С. 706–733 DOI: 10.22363/2687-0088-40107
20. Северская О. «Субъект» современной поэзии как прагматическая переменная // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / под ред. Х. Шталя, Е. Евграшкиной. Berlin: Peter Lang, 2018. S. 185–194.
21. Северская О.И. Прагматические переменные в сводном авторском словаре (на примере лексем ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС в акмеистическом корпусе) // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка А. С. Пушкина» / отв. ред. Л.Л. Шестакова. М.: Азбуковник, 2013. С. 181–189.
22. Северская О.И. Прагматическая переменная МИР в поэтике акмеизма // Корпусный анализ русского стиха: сб. научн. ст. / отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М.: Азбуковник, 2013. С. 185–215.
23. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982. С. 277–316.
24. Демьянков В.З. «Я» – создатель возможных миров, бесценных слов транжир и мот // МЕТОД: московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин. 2022. Вып. 12. Т. 2, № 2. С. 19–22. DOI: 10.31249/metodquarterly/02.02.02

REFERENCES

- [1] Paducheva E.V., Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu [Utterance and its correlation with reality], Nauka, Moscow, 1985.
- [2] Paducheva E.V., Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa) [Semantic research (Semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative)], URSS, Moscow, 1996.
- [3] Jefferson G., Poetics of Ordinary Talk, Text and Performance Quarterly, 16 (1) (1996) 1–61.
- [4] Vakhrameeva E., Shvets A., Pragmatika i poetika: k noveyshim opredeleniyam “poeticheskogo” [Pragmatics and Poetics: towards the latest definitions of “Poetic”], Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 4 (2016) 427–431.
- [5] Bolotnova N.S., Trends and main stages of the development of the communicative stylistics of the text (on the occasion of the 25th anniversary of the scientific direction), Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 4 (193) (2018) 32–40. DOI:10.23951/1609-624X-2018-4-32-40
- [6] Trofimova Yu.M., Pragmatics of the communicative factor in a poetic text, Izvestia Voronezskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 5 (100) (2015) 198–205.
- [7] Zolyan S.T., Tul'chinskiy G.L., Chernyavskaya V.E., Pragmasemantika i filosofiya yazyka [Pragmasemantics and philosophy of language], ed. by S.T. Zolyan, LRC Publishing House, Moscow, 2024.
- [8] Bridging the Gap Between Conversation Analysis and Poetics: Studies in Talk-In-Interaction and Literature Twenty-Five Years after Jefferson / ed. by R.F. Person Jr., R. Wooffitt, J.P. Rae, Routledge, New York, London, 2022.
- [9] Feshchenko V.V., Yazyk v yazyke: Khudozhestvennyy diskurs i osnovaniya lingvoestetiki [Language in language. Artistic discourse and the foundations of linguoesthetics], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2022.
- [10] Sokolova O.V., Zakharkiv Ye.V., Pragmatika i poetika: poeticheskiy diskurs v novykh media [Pragmatics and poetics: poetic discourse in new media], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2025.
- [11] Stepanov Yu.S., V trekhmernom prostranstve yazyka [In the three-dimensional space of language], Nauka, Moscow, 1985.
- [12] Revzina O.G., Zagadki poeticheskogo teksta [Riddles of the poetic text], Kommunikativno-smyslovyye parametry grammatiki i teksta: Sbornik statey, posvyashchennyy yubileyu G.A. Zolotovoy [Communicative and semantic parameters of grammar and text: Collection of articles dedicated to the anniversary of G.A. Zolotova], URSS, Moscow, 2002, pp. 418–433.

- [13] **Radbil T.B.**, Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya [Language and the world: paradoxes of mutual reflection], Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, 2017.
- [14] Subyekt v noveyshey russkoyazychnoy poezii – teoriya i praktika [The subject in the latest Russian-language poetry – theory and practice], ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina, Peter Lang, Berlin, 2018. DOI: 10.3726/b14778
- [15] **Feshchenko V.V.**, Experimental deixis in the space of a poetic text, Slovo.ru: Baltic accent, 2 (2023) 49–66. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-2-3
- [16] **Sokolova O.V.**, New Technologies and Pragmatic Techniques in Contemporary Poetry, Slovo.ru: Baltic accent, 15 (2) (2024) 81–97. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-2-5
- [17] **Zakharkiv E.V.**, Interfaces of Contemporary Poetry: Turn-taking and Multiple Addressing, Slovo.ru: Baltic accent, 15 (2) (2024) 98–111. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-2-6
- [18] **Tsvigun T.V., Chernyakov A.N.**, “Flickering” Subject in a Poetic Text: Towards the Problem of Perception, The New Philological Bulletin, 4 (63) (2022) 42–54. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-42
- [19] **Sokolova O.V., Feshchenko V.V.**, Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis, Russian Journal of Linguistics, 28 (3) (2024) 706–733 DOI: 10.22363/2687-0088-40107
- [20] **Severskaya O.**, “Sub'yekt” sovremennoy poezii kak pragmaticheskaya peremennaya [The “subject” of modern poetry as a pragmatic variable], Subyekt v noveyshey russkoyazychnoy poezii – teoriya i praktika [The subject in the latest Russian-language poetry – theory and practice], ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina, Peter Lang, Berlin, 2018, Ss. 185–194.
- [21] **Severskaya O.I.**, Pragmaticheskiye peremennyye v svodnom avtorskom slovare (na primere leksem ZDES' i SEYCHAS v akmeisticheskom korpusе) [Pragmatic variables in the author's consolidated dictionary (using the example of lexemes HERE and NOW in the acmeistic corpus)], Avtorskaya leksikografiya i istoriya slov: k 50-letiyu vykhoda v svet “Slovarya yazyka A. S. Pushkina” [Author's lexicography and the history of words: on the 50th anniversary of the publication of the “Dictionary of the Language of A. S. Pushkin”], Azbukovnik, Moscow, 2013, pp. 181–189.
- [22] **Severskaya O.I.**, Pragmaticheskaya peremennaya MIR v poetike akmeizma [The pragmatic variable of the WORLD in the poetics of acmeism], Korpusnyy analiz russkogo stikha [Corpus analysis of Russian verse]: Collection of Scientific Articles, Azbukovnik, Moscow, 2013, pp. 185–215.
- [23] **Chafe W.**, Dannoye, kontrastivnost, opredelennost, podlezhashcheye, topiki i tochka zreniya [Datum, contrastivity, definiteness, subject, topics and point of view], Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in foreign linguistics], Iss. 11, Progress, Moscow, 1982, pp. 277–316.
- [24] **Demyankov V.Z.**, «I» – the creator of possible world, spender and prodigal of invaluable words, METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies, 12 (2 (2)) (2022) 19–22. DOI: 10.31249/metodquarterly/02.02.02

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Северская Ольга Игоревна
Olga I. Severskaya
E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Поступила: 01.08.2025; Одобрена: 14.09.2025; Принята: 25.09.2025.
Submitted: 01.08.2025; Approved: 14.09.2025; Accepted: 25.09.2025.